

I

В Нижнем Новгороде, высоко над Волгой, почти в центре старого кремля, с его древними кирпичными, покрытыми мхом стенами и башнями, раскинулось покоем буро-красное здание Аракчеевского кадетского корпуса. Фасад корпуса выходит на кремлёвскую площадь, с кафедральным собором, корпусною церковью и казенными зданиями; одно крыло смотрит на свой садик-плац, другое же глядит с высоты Кремля на убегающую вдаль Волгу, на расстилающуюся за ней безбрежную даль лесов и лугов, на раскинувшиеся у слияния ее с Окой село Кунавино и ярмарку. Перед окнами корпуса — Мининский сквер с памятником-обелиском гражданину Минину¹.

¹ Минин (Кузьма Минин Захарьев Сухоруков) — русский национальный герой. Нижегородский гражданин, продавец мяса и рыбы, земский староста и начальник суд-

У главного входа четыре медные, на зеленых деревянных лафетах пушки эпохи Александра I с громадными гербами графа Аракчеева¹, с его девизом «Без лести предан».

Корпус наш был основан на средства, завещанные графом, и находился сперва в Новгороде, откуда и перемещен в Нижний Новгород...

С трепетом я перешагнул его порог осенью 1884 года, явившись в корпус, как выдержавший вступительный экзамен.

Ближе всего к кадетам стояли воспитатели. Они были для кадет наставниками, руководите-

ных дел у посадских (торговых) людей. Организатор и один из руководителей Земского ополчения 1611–1612 годов, в период борьбы русского народа против польско-литовской и шведской интервенций. На другой день после венчания на царство, Михаил Федорович (1613) пожаловал Минину звание думного дворянина и вотчины. Умер Минин в 1616 году.

¹ Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834). При императоре Павле был петербургским комендантом, губернатором. При Александре I — военным министром, председателем военного Департамента государственного совета. Известен как организатор военных поселений, где с целью муштры были загублены сотни и тысячи душ крестьян. Аракчеев до самой смерти Александра I был всемогущим временщиком, подавлявшим всякую свободную мысль. Перед своей кончиной он пожертвовал 300 000 рублей для воспитания в Новгородском кадетском корпусе бедных дворян. Граф не оставил наследников.

лями и заменяли им, как могли, близких родных. В то время педагогических курсов для воспитателей еще не было. Воспитателями являлись простые, из строя офицеры, большей частью сами прошедшие кадетский корпус.

Были недалекие воспитатели, но они как-то быстро испарялись. Один штабс-капитан сапёр, назначенный к нам в отделение, додумался читать нам вслух «Бурсу» Помяловского. Мы веселились от души, слушая чтение, но после ухода воспитателя проделывали в классе на практике все, что проделывали бурсаки и до чего сами мы не доходили. Мы репетировали «лимоны» маленькие и большие, делали «смази всеобщие», «вешали соль», проделывали и многое другое. Но этот воспитатель, хотя и с ученым кантом, являлся печальным исключением и вскоре оставил корпус. Время его воспитательства осталось у нас в памяти каким-то сумбурным. Его подлаживания к нам, скабрезные рассказы с целью понравиться достигали обратных результатов. Мы не любили его, мы понимали, что он делает многое, чего не должен был делать...

Научное образование в корпусе было поставлено основательно. Преподаватели относились к делу добросовестно, учили хорошо, проверяли знания строго, и в результате, кадеты приобретали действительные познания в пределах про-

граммы. Слабее других предметов были поставлены языки. Говорить на иностранных языках не выучивались, кто же поступал в корпус, владея этими языками, тот уходил из корпуса, разучившись говорить на них.

Был между нашими преподавателями один небезынтересный тип, немного «красный», как говорили тогда, которого мы звали Иван Петров. Тучный, здоровый, с полным бритым лицом, медленной походкой и громким голосом, он преподавал физику и космографию.

Он любил острить с кадетами над начальствующим персоналом, рассказывал на уроках, что происходило на педагогических комитетах, кто из воспитателей подавал голос против кадет, кто за и т. д. Разговаривая с классом, он часто не слушал, какую чушь нес отвечающий у классной доски кадет, и обращал на него внимание только тогда, когда тот, добравшись до конца, выкрикивал: «Что и требовалось доказать!», и ударял крепко мелом по доске. Иван Петров тогда оглядывался, смотрел в упор на отвечавшего и медленно произносил: «Ступай, садись», и ставил хороший балл, причем, ставя, говорил, как бы про себя: «Болваны».

В один из подобных ответов, когда Иван Петров был особенно в ударе и, разговаривая и смеясь с кадетами, уже совершенно не слушал, что отвечал вызванный, последний так громко вы-

крикнул заключительную фразу и так сильно хлопнул мелом, что Иван Петров вздрогнул. Молча повернулся он к кадету, долго и пристально смотрел на него среди всеобщей тишины и наконец отчеканил: «Ослу, скотине превеликой, от бога дан был голос дикий. Ступай, садись, болван, одиннадцать баллов».

Фурор был полный.

Иван Петров ввел у нас «пятки». Так назвал он последние пять минут урока, объяснив, что у японцев есть обычай сидеть некоторое время на пятках, ничего не делая. И вот он устанавливает такие же пять минут ничегонеделания, или «пятки», в течение которых он будет говорить о чем угодно, но только не об уроке.

«Пятки» выполнялись свято и были спасительны, когда был спрос, урок же был трудный, Иван Петров не в духе и резал одного за другим, ставя единицы. Мы с нетерпением смотрели на часы и когда приближались последние пять минут, со всех сторон раздавалось: «Пятки, пятки». Иван Петров обводил класс злым взглядом и говорил: «Негодяишки, дождались-таки пяток». Спрос прекращался. Иван Петров усаживался поверх чьей-нибудь парты и начинал разговоры.

Многое из тех разговоров было понято нами только позже; многого он не должен был говорить, но в общем мы его любили. Начальство внимательно относилось к урокам этого учителя

и нередко во время их, в окошке классной двери, появлялась фигура директора.

Уже после нашего выпуска Иван Петров перешел в Петербург и сделался директором Горного института и во время первой революции вел себя как-то неважно, двусмысленно. Его фамилия — Долбня¹.

Незадолго до нашего выпуска ввели новый предмет — законоведение.

Физическое воспитание занимало видное место в корпусе. Гимнастикой начинался и кончался день. Каждая рота в строю проделывала гимнастические упражнения в течение получаса и, кроме того, были отдельные уроки гимнастики поротно с палками. Всюду в ротях имелись гимнастические машины, и на переменах между уроками каждый старался пройти через какую-либо машину, особенно взобраться на мускулах по наклонной лестнице.

Венцом физического воспитания являлось строевое учение, производившееся по всем правилам военных уставов.

Кадет учили танцевать, но настоящая выгучка всяких мазурок, венгерок и венских вальсов про-

¹ Иван Петрович Долбня (1853–1912) — русский математик, профессор и директор Горного института. В 1896 году занял кафедру в Горном институте в Петербурге; сочувственно относился к студенческим выступлениям 1899–1902 годов.

исходила не при учителе танцев, а в классах, за классными досками... Для кадет устраивались и балы, которых очень ждало всегда дамское общество и особенно местные институтки.

К женщине внушалось рыцарски-военное отношение. В отпуске на каникулах начинались невинные ухаживания, переходившие у некоторых в серьезные чувства и кончавшиеся впоследствии браками. Погоны, форма, умение хорошо танцевать помогали кадетам у барышень...

Область половой сферы оставалась вне внимания нашего начальства; кадет считали детьми до восемнадцатилетнего возраста и, как во многих семьях, о взрослых юношах думали, что они «ничего еще не знают и ничего не понимают». Между тем уже с четвертого класса многие кадеты познавали женщину. Одни бегали в отпускные дни на свидание к разным швеечкам и модисткам, других прибирали к рукам опытные дамы общества, а некоторые бывали даже и в публичных домах.

На одной из глухих улиц Нижнего Новгорода приютилось в те годы некоторое учреждение «Конкордия». Кто-то из кадет узнал его первым; свел одного, другого товарища, и вскоре опытная хозяйка сумела сделать свое учреждение крайне популярным и соблазнительным для кадет. Барышни были молодые, веселые, брали пустяки,

играл рояль, давали пиво. А главное — таинственность запрета, опасность предприятия и молодечество. «Он был в “Конкордии”» — звучало серьезно.

Летом же, во время ярмарки, некоторые храбрцы, переодевшись в отпуске в штатское платье, пробирались с городскими товарищами в самые сомнительные ярмарочные вертепы.

II

Параллельно с официальным воспитанием шло саморазвитие кадет в их внутренней кадетской жизни. Каждый класс жил своей жизнью, своими интересами. Товарищество спаивало класс. Можно было быть умным или глупым, прилежным или лентяем, храбрым или трусоватым, но нельзя было быть плохим товарищем. Решение класса являлось обязательным для каждого кадета. Решено не отвечать какого-либо предмета — и кого бы ни вызвал учитель, хотя бы первого ученика, все отказывались отвечать...

В самых младших классах новички пытались, бывало, прибегать под защиту начальства, ходили жаловаться на щипки, побои, но их быстро отучали от этого. Несколько потасовок, неразговаривание класса в течение некоторого времени,

и мальчик становился как и все. Если случалось, что кто-либо обижал зря менее сильного, класс вступался и кто-нибудь умирал обидчика. Бывало иногда, что новички таскали потихоньку чужие вещи. Тогда воришку разыскивали и, набросивши ему на голову шинель, били его всем классом, что называлось «через шинель», и воровство не повторялось...

Наказание тяжкое, беспощадное, но таковы были взгляды кадет на товарищество... Повиновение старшим кадетам было беспрекословное. Старшие этим не злоупотребляли, но тяжелая рука семиклассника частенько опускалась на младших по разным поводам.

Однажды наш пятый класс второй роты потребовал у эконома прибавки кулебяки за завтраком и получил ее, чем отнял эту прибавку у седьмого класса. На следующее же утро седьмой класс вызвал десять человек нашего класса на разбор. Шел допрос.

- Ты прибавки требовал?
- Требовал.
- Кулебяку ел?
- Ел.
- Получай...

Следовали удары. Избили всех десятерых, и больше мы уже никогда не посягали на права и привилегии седьмого класса.

Начальство знало об этих наших обычаях, но не вмешивалось в них. Они регулировали нашу общественную жизнь, служили хорошей цели, хотя иногда бывали и грубы. Вмешательство не приводило к хорошим результатам, скорее, наоборот, вредило кадетской жизни.

Кадеты щеголяли формой, гордились ею, особенно разъезжаясь на каникулы. Погоны были нашей гордостью. Лишиться погон считалось позором. Высшим наказанием в корпусе считалось именно «лишение погон» — наказание, налагавшееся в исключительно редких случаях.

В отпуске многие играли в оловянных солдатиков... Играли в шашки и шахматы, выпиливали, рисовали, клеили картонажи. Рассказывание анекдотов, особенно исторических, было любимейшим препровождением времени. Тогда же говорилось без конца о разных полках и их подвигах; спорили, какой полк лучше, какой старее.

В корпусе почти все были дети простых армейских офицеров. Гвардия рисовалась для нас особенно красивой, почетной и в ореоле славы. Мы знали, что многими гвардейскими частями командовали высочайшие особы. О них говорили мы с особым любопытством и серьезностью; это была семья государя, а выше его для нас ни-

чего не было. К нему в Петербург летели наши мечты...

Хождение в отпуск являлось приятным развлечением. Благодаря отпускам, в нашу однородную военную семью вривалась иногда струя, чуждая общему настроению. То были попытки некоторых просветителей подойти к кадетам и вовлечь их в кружковщину. В отпуске кадеты встречались с разными людьми и с «красной» молодежью. И хотя в глазах студентов и вообще невоенного общества кадет считали способными только к шагистике, танцам и ухаживаниям, тем не менее с нами все-таки общались и невоенные люди.

Будучи в пятом классе, один из наших одноклассников, которого я назову X., подружился в отпуске с несколькими молодыми людьми без определенных занятий. Они собирались летом в какой-то полуразрушенной бане и читали там запрещенные книжки. X. рассказывал об этом нам иногда по секрету, но выходило как-то неясно, что они там делают и для чего. Мы стали замечать некоторую перемену в нашем товарище... Стали предостерегать его от его городских товарищей и стали уговаривать бросить их. X. был вовлечен в какой-то кружок, но как юноша вдумчивый и сильного характера, не дал сбить себя с толку, перейдя же в военное училище, он со-